

Михаил Альбов

**Два момента в
развитии творчества Антона
Павловича Чехова**

Михаил Альбов

**Два момента в развитии
творчества Антона
Павловича Чехова**

«Public Domain»

1903

Альбов М. Н.

Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова /
М. Н. Альбов — «Public Domain», 1903

«Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин!..»

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Альбов Михаил Нилович

Два момента в развитии творчества Антон Павлович Чехов

Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синева-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин! Мрачный тон утомляет и удручает вас, но теперь и то, что раньше слегка раздражало ваш глаз, начинает отливать красновато-багровым блеском... И вдруг все смешалось на ваших глазах. Розовые, синие, зеленые, темные полосы быстро мелькают одна за другой, и вы начинаете видеть все в новом, каком-то фантастическом освещении. Какая-то странная, тусклая, однообразно-серая пелена заслонила от вас живую игру цветов и их бесконечно-разнообразных оттенков. Вы встряхиваетесь, чтобы освободиться от этого странного впечатления, и догадываетесь, что художник и картины тут не при чем: это просто у вас зарябило в глазах...

Освободившись от этой странной иллюзии, вы снова начинаете, теперь уже медленно, одну за другой, рассматривать картины и легко убеждаетесь, что тут разные цвета и очень много оттенков. Вы находите дальше, что сами картины различны и по исполнению, и по значению. Тут и простые фотографии, безукоризненные по отделке, но ничего не говорящие ни уму, ни сердцу. Вы окидываете их взглядом и быстро проходите мимо. Вот целый ряд набросков, этюдов, разнообразных по содержанию, но одинаковых или схожих по теме. Вы чувствуете, что это не простые фотографии, что художник вложил в них что-то свое, лично ему принадлежащее, наложил на них печать своей нравственной личности. Но тема слегка затронута, с какой-нибудь одной стороны, или в разных картинах с разных, но близких сторон, и вы, чувствуя легкую досаду и неудовлетворенность, проходите дальше. И вдруг вы остановились перед картиной, которая сразу поразила вас и надолго приковала к себе. Картина как будто знакома вам. Линии, краски, фигуры, положения – все это вы раньше видели на фотографиях и набросках. Но в них есть что-то новое, одухотворенное. То же лицо, но иначе смотрит. Вы пристально всматриваетесь в подробности, заходите с разных сторон и наконец угадываете замысел художника. То, что раньше слегка тревожило вас, здесь, возведенное в перл создания, озарилось новой красотой, и вы испытываете чувство полного, глубокого удовлетворения, и многое из раньше виденного, но незамеченного или непонятого, всплывает в вашем сознании и становится ясным. Идете дальше – и опять наброски, этюды, но здесь уже другая тема; и снова картина, глубокая, одухотворенная. Весь процесс творчества художника в своих результатах проходит перед вами, и на примере г-на Чехова очень удобно вы можете проследить развитие, постепенный рост художественного таланта.

Но не только художественного таланта. Глеб Успенский в своей автобиографической записке писал, что его биография – это его сочинения. С таким же правом это может сказать про себя г-н Чехов. По крайней мере, то, что больше всего интересует нас в биографии писателя – его духовная личность, ее постепенный рост, его думы, настроение, мировоззрение – все это, несмотря на всю сдержанность и корректность г-на Чехова, а порой и неясность его

полупризнаний, достаточно отразилось в его произведениях. Правда, у него нет ничего кричащего, резкого, бьющего в глаза. Вы не услышите от него ни воплей, ни рыданий, ни негодующего крика, ни презрительного смеха. И когда он рисует наиболее отвратительные типы, по-видимому, он совершенно спокоен, как будто делает дело, лично ему совершенно чуждое, постороннее. Но это спокойствие – просто сдержанность воспитанного человека, за которой скрывается натура, глубоко чувствующая, тоскующая, страстно чего-то ищущая. Стоит только взять его почти любое описание природы, которая смеется, плачет, тоскует, томится, чтобы составить о нем представление как о писателе глубоко субъективном. В сущности, его произведения есть история его души, сначала беспечной, потом глубоко тоскующей и наконец, по-видимому, нашедшей удовлетворение. Со временем, конечно, биография даст нам настоящий ключ к всестороннему пониманию его произведений. Но пока что будет, попытаемся только на основании его произведений отметить главнейшие моменты в его развитии.

I

А. П. Чехов начал свою литературную деятельность очень мелкими, иногда миниатюрными, в страничку или две, очерками, которые собраны теперь в первых трех томах издания Маркса. Это изящные, тщательно обработанные безделушки, хотя встречаются рассказы и малообработанные, представляющие, очевидно, черновые наброски. Встречаются и такие рассказы, где фантазия автора и наблюденные черты действительности не слиты органически, а лежат полосами друг возле друга, как две химически несходные жидкости. Таких рассказов, впрочем, мало. Зато почти все написаны просто так, *roug rige*, чтобы позабавить читателя. Напрасно мы стали бы искать здесь определенное мировоззрение художника, но есть то, что принято называть настроением.

Преобладающее настроение автора за этот период его деятельности можно сравнить с теми чувствами, которые испытывает турист, в первый раз отправляясь путешествовать в какую-нибудь незнакомую страну просто для развлечения или отдыха. Сколько там нового, интересного, любопытного! Какие виды, костюмы, типы! Какие странные и смешные обычаи, сколько вообще занимательного, любопытного! И он все одинаково осматривает, ему одинаково любопытно и ничтожное и важное. Но, не зная страны, он по всему скользит беглым взглядом, ни во что не всматривается пристально, ко всему относится с легкой иронией. Ему все любопытно и ничто в частности не успело его заинтересовать. Приблизительно такое же настроение было и у г-на Чехова в первое время. На литературное поприще он вступил, как турист без всяких претензий. Бегло схватит какое-нибудь душевное движение или вообще явление жизни, вставит его в изящную рамку и любитесь им или смеется над ним то заразительно весело, то слегка иронически. Вместе с ним любитесь и смеется читатель. Да и как не любоваться, когда все это так красиво выходит! И как не смеяться, когда, в сущности, в жизни так много смешного, особенно в той серенькой, будничной жизни, которую изображает г-н Чехов. Сколько смешного расскажут про себя или друг про друга ее незаметные ничтожные герои – все эти пьяненькие, праздноболтающие, мелочно-самолюбивые, глуповатые, глупенькие и дубинноголовые, эти дамочки, порхающие, интригующие, неутомонно щебечущие. Какие все это смешные уроды, какие чудачки! В этом беззаботном смехе, который звучит почти в каждом рассказе, для г-на Чехова характерно именно то, что здесь смехом все начинается и смехом кончается, подобно тому, как это было с Гоголем в первое время его литературной деятельности. В этом смехе нет нравственного элемента, и его миниатюрные комедии, в сущности, настоящие водевили. Редко среди этого смеха раздается грустная нота и очень редко она переходит в мрачное настроение, за которым чувствуется глубокая драма.

С течением времени эта, изредка звучащая, безотрадная нотка раздается все чаще и чаще и становится интенсивнее. Это уже заметно на второй половине третьего тома. В рассказах четвертого и пятого томов от прежнего беззаботного настроения не остается и следа. Как в настроении, так и в других сторонах его творчества происходит какой-то перелом или, вернее, болезненный надлом. Прежний балагур-рассказчик, о чем-то загрустил и глубоко задумался. Даже когда он, по старой привычке, собирается пошутить, впадает в прежний тон, то шутка выходит какою-то странною, тяжелою, неуместною, словно пошутили в комнате, где лежит труднобольной («Ванька»). Что же такое случилось?

Может быть, лично с ним случилось что-нибудь такое, что заставило его призадуматься; может быть, жизнь, с которою он все больше знакомился, утомила его своим однообразием, как та безграничная степь, которую он описал с таким безнадежно-тоскливым настроением; может быть, он увидел, что в жизни далеко не все так понятно и просто, как кажется с первого взгляда. С настроением беспечного туриста прогуливаясь по палестинам родной действительности, все расширяя круг своих наблюдений, ближе присматриваясь к действительности, он

не мог не заметить, что в жизни уж вовсе не так много смешного, как это кажется человеку, у которого быющее через края веселье молодости окрашивает все в розовый цвет. Сама жизнь, изображаемая им, не могла не показать ему, как часто смех и слезы идут рука об руку, и как часто за тем, что кажется смешным с первого взгляда, скрывается глубокая драма. Но, несомненно, немалую долю влияния оказал на него и тот переворот в настроении и миропонимании общества, который начинался в конце 70-х годов. Вот как говорит об этом перевороте один из его персонажей. Тогда новое миропонимание «начинало входить в моду публики и потом в начале 80-х годов из публики стало переходить в литературу, науку и политику. Мне было тогда не больше 26-ти лет, но я уже отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что все обман и иллюзия, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалине ничем не отличается от жизни в Ницце, что разница между мозгом Канта и мозгом мухи не имеет существенного значения, что никто на этом свете ни прав, ни виноват» («Огни»). По всей вероятности, эта новая волна и захватила г-на Чехова. По крайней мере, «красивая, сочная мысль о бесцельности жизни и загробных потемках», с ее уродливыми крайностями, полной безвыходностью и пустотой, несомненно отразилась на его творчестве. Так, например, рассказ «Поцелуй» как будто нарочно выдуман на заранее составленную тему – о бессмысленности жизни. Здесь рассказывается, как один поручик, Рябович, под влиянием случайно и ошибкой полученного им поцелуя, целое лето мечтал о любви, о «ней», о семейной жизни, как он нетерпеливо ждал, что на возвратном пути он встретится с прекрасною незнакомкой, и как из этого ничего не вышло по той простой и понятной причине, что его никто не ждал и им никто не интересовался. Станный рассказ, не правда ли? Но этот, несомненно, вымышленный рассказ нужен был г-ну Чехову, чтобы оправдать те мысли, которым предается разочарованный поручик. Стоя на берегу речки, он думал: «Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит перед глазами Рябовича... К чему? Зачем? И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятною, бесцельною мистификацией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.